

завоеванія въ области уголовно-матеріальнаго законодательства послѣ войны: мѣры социальной защиты превѣщаютъ идею «справедливаго возмездія». Въ лицѣ нашего выдающагося криминалиста, бывшаго профессора бѣградскаго университета М. П. Чубицкаго русская наука и дѣйствиительно участвуетъ въ реформѣ уголовного права и процесса въ королевствѣ СХС. Царившій до войны въ Сербіи инквизиціонный процессъ замѣняется состязательнымъ, и въ проектѣ новаго уголовного уложенія вносятся почти все новѣйшія достиженія науки уголовного права. Послѣ страшной катастрофы, обрудившейся надъ Европой, вырисовываются въ этой области проблески лучшаго будущаго:

Л.

Левъ Шестовъ. «Власть ключей». Издательство «Скифы». Берлинъ, 1923.

*Le coeur a ses raisons que
la raison ne connaît pas.*

Pascal.

Не противъ делегированной въ силу извѣстнаго евангельскаго стиха намѣстнику св. Петра власти визать и рѣшить людей здѣсь на землѣ направлена новая книга Л. Шестова „Potestas clavium“, а противъ притязаній «вѣчныхъ» истинъ на господство надъ человѣческими думами; противъ деспотической власти идеи-боговъ и всякаго рода обобщающихъ началъ; и — last, not least — противъ тираниіи нашего самодержавнаго разума, претендующаго на власть ключей не только въ области точной науки, но и въ сферѣ философіи и даже религіи. «Поскребите какого хотите европейца, хоть бы онъ былъ позитивистомъ или даже матеріалистомъ, и вы очель скоро доберетесь до средневѣковаго католика, судорожно цѣпляющагося за неотъемлемое и исключительное право отпирать врата небеснаго царства себѣ и своимъ ближнимъ». (Вл. кн., 41). Сила принужденія посяетъ не только въ дыму инквизиціонныхъ костровъ, но и на остріѣ тонко отточенныхъ аргументовъ и доказательствъ. Армія создается «идеологіей», всеобщей воинской повинностью одному Молоху, будь то чернающій все изъ себя королевскій разумъ или идея бога-добра. Философскія книги могутъ быть тюрьмами, гдѣ бьется шайбой мысли раздраженье, а создатели философскихъ системъ — палачами, топящими передивающую всеми цвѣтами радуги жизнь въ сѣромъ «общемъ», Александрями Македонскими, разрубающими мечомъ «доказательства» гордые узы бытія.

Мы сковываемъ природу законами, нашъ духъ — системой твердыхъ или текучихъ понятій и даже надъ произволомъ боговъ че-

ловѣческая мудрость уже на зарѣ своего существованія ставить неумолимую судьбу-необходимость. Изъ всѣхъ силъ мы стремимся къ оскорбительной ясности нашихъ философскихъ горизонтовъ и цѣль нашихъ философскихъ устремленій изгнать изъ философіи все гипотетическое, всѣ бурныя проявленія индивидуальной жизни, не укладывающіяся въ рамки неумолимаго закона. Уводимъ ли мы мысль въ платоновскій храмъ чистыхъ идей, получившихъ послѣднее и «высшее» выраженіе въ идеяхъ-числахъ, творимъ ли изъ собственнаго разума законы, которые затѣмъ предписываемъ природѣ, проникаемъ ли — или вѣрнѣе: намъ кажется, что мы проникаемъ, усилиемъ интуиціи въ непосредственно данное, мы всюду изъ всѣхъ силъ гонимъ тайну, произволь, случай изъ природы, жизни и накладываемъ на вселенную, на ея обитателей дѣли необходимости, изъ которыхъ ни ей, ни людямъ не суждено во вѣка вѣковъ вырваться, развѣ цѣпой... крушенія нами созданной философской системы. Но мы нище всего боимся хаоса и завѣтной цѣлью нашихъ философскихъ достиженій въ сущности всегда является математическій порядокъ (интеграція дифференцированного научнаго опыта), въ современной терминологіи Бергсона), идеаломъ — $2 \times 2 = 4$ въ философіи, и оттого мы придаемъ такое большое значеніе примѣненію строгихъ методологическихъ научныхъ приемовъ въ философіи. Уже самымъ способомъ подхода къ проблемамъ философская система васъ хочетъ сразу убѣдить, что она одна въ «истинѣ». *Mors geometrico, de omnibus dubitandum* — все это средства смирить непокорная, мятущіяся чловѣческія души, на минуту усыпить ихъ тревогу, чтобы съ тѣмъ большей легкостью сковать ихъ общимъ началомъ, общей «истиной», изъ власти которой имъ никогда ужъ невозможно, не суждено вырваться.

Какъ Протей это общее начало принимало различную внѣшнюю оболочку то судьбы, то логоса, то сократовскаго добра, то измѣнчивую форму какого-нибудь освобождающаго слова — на счетъ освобождающихъ символовъ-словъ чловѣческая фантазія особенно щедр! — но въ основѣ лежало все то же не умирающее стремленіе сдѣлать свою истину закономъ не только для всякой живущей твари, но и для Бога.

Кантовскій богъ — богъ по аналогіи, мастеръ вселенной: «мыслящій духъ» XIX вѣка получаетъ откровеніе въ діалектическомъ раскрытіи идеи божества; а рационализмъ XX вѣка уже открыто признается, что его истина существуетъ раньше ангеловъ и боговъ. Зачѣмъ ему Богъ, коли онъ находится въ обладаніи чудеснымъ талисманомъ во образѣ внѣвременнаго царства идей, въ видѣ логическаго закона?! И то, что этотъ законъ можетъ дать,

того не въ состояніи осуществить даже божественное всевидѣніе! Was das Gesetz als ideale Einheit leistet, nämlich in der Weise der allgemeinen Aussagebedeutung eine Unzahl von möglichen Einzelfällen logisch in sich zu befassen, das kann keine Anschauung, und wäre es die göttliche Allerschauung, leisten“. (Husserl. Log. Untersuchungen. 3-te Aufl., 1922. II, 1, S. 168).

Однимъ Бога не нужно: логическій аппаратъ имъ исполнѣ Его замѣняетъ; другимъ нуженъ богъ, соответствующій религиозному сознанию нашего шагнувшаго впередъ по лѣстницѣ развитія времени; а третьи находятъ, что пути въ потустороннее вообще заказаны. Скажемъ сразу: и Юмъ, и Кантъ правы. Идея божества блѣднѣетъ въ свѣтѣ испытанія разумомъ и ума холодныя замѣты не могутъ пробить метафизической стѣны. Мы можемъ экспериментально изучить свойства того «чудеснаго механизма», которымъ наша снабдила природа, чтобы убѣдиться лишній разъ, какъ холодное размысленіе совершаетъ преступленіе изъ преступленій — умерщвляетъ въ понятіи, убиваетъ Бога.

И это преступленіе мы совершали не разъ. И тогда, когда подмѣнивали Бога судьбой, желѣзной необходимостью, сократовскимъ добромъ, эллинскимъ разумомъ; и когда слѣпыя «искали» и «доказывали» Его по тому или иному научно-философскому методу; и даже тогда, когда, произнося разныя мистическія заклинанія, связывая себя громкими символами-словами съ Недоступнымъ человеческому пониманію, мнили безъ мистическаго опыта, безъ духовнаго горѣнія и сгорания приобщиться къ Божеству.

«Человѣчество живетъ не въ свѣтѣ, а во тьмѣ, окутанное одною непрерывною ночью. Нѣтъ, не одной, и не двумя, и не десятью — а тысячью и одной ночью! И «исторія» никогда не приведетъ «человѣка» къ свѣту. Да «человѣку» свѣтъ и недоступенъ. «Человѣкъ» можетъ построить башню — но до Бога онъ не доберется. Добраться можетъ только «этотъ человѣкъ» (все гегелевская терминологія) — тотъ единственный, случайный, незамѣтный, но живой человѣкъ, котораго до сихъ поръ философія такъ старательно и методически выталкивала, заодно со всѣмъ «эмпирическимъ міромъ» за предѣлы «сознанія вообще». (Вл. кл., 24.) Но нужно, чтобы страшныя событія ударили по сердцу съ невѣдомой силой, тогда лишь слабый мыслящій тростникъ пробуждается отъ спячки лѣнливаго бытія и пытается измѣрить глубину той пропасти, въ которую онъ свергнутъ и откуда его мятущаяся душа тщетно вызываетъ къ Тому, кого онъ съ такой легкостью отвергъ и потерялъ. Развѣ съ этой потерей можетъ сравниться хотя бы одна изъ

утрату, испытываемых нами здѣсь — на отмени времяя?! Ужасъ, холодъ, одиночество на краю пропасти, на порогѣ смерти вызываютъ къ Нему . . . Кто тутъ еще можетъ говорить о логикѣ, объ оправданіи вѣры разумными доводами?

Весь ужасъ опустошенной души изъ современныхъ философовъ особенно сильно впечатлѣтъ Ницше. «Можетъ быть, если бы Ницше воспитался на Гегелѣ, онъ бы до конца своей жизни не замѣтилъ, что Гегелевскій богъ есть только замаскированное безбожіе. И только потому, что Шпенглеръ приучилъ его говорить правду о философекомъ богѣ, ему дано было почувствовать, какое преступленіе совершили люди, обоготворявъ и создавъ культъ общаго понятія (или «идеальнаго»). (21.)

Въ отчаяніи утопающаго Ницше попытка воскресить въ своей философіи опьяненіе античной мифологіей утверждающаго жизнь сверхчеловѣка — *Dionysos gegen den Gekrenzigten* . . . Но знаетъ ли исторія раздѣренный ритмъ приливовъ и отливовъ, а что, если повторяющіеся циклы культурныхъ расцвѣтовъ и отмиравшихъ цивилизацій — звонкая монета, нушенная въ обращеніе Шпенглеромъ, какъ и прототипъ ея — идея вѣчнаго возвращенія такое же мышленіе нашего разума, привыкшаго искать, судить и даже предвѣщать лишь по аналогіи, какъ его привычная работа по установленію закономерности явленій природы? «Религія страдающаго бога» это только вышнее повтореніе символа, привнесеннаго изъ колыбели всѣхъ религій — Востока, безъ его внутренняго содержанія: это — лекарство, которое слѣдуетъ безнадёжно больной философіи упатка. Его терзаетъ и разрываетъ на части внутренняя раздвоенность: поочередно онъ заглядываетъ въ лицо то Медузѣ безграничнаго сомнѣнія, то въ величавомъ безуміи гордой увѣренности приносить человечеству новыя скрижали «вѣностей» — онъ, всего только вопрошающій духъ между двумя пропастями! . . .

Отчего же мы въ области философіи вертимся какъ бѣлка въ колесѣ, точно идея вѣчнаго возвращенія на историческую арену гѣхъ или иныхъ философскихъ теченій празднуетъ здѣсь воочию свою побѣду? И мы не только безнадежно возвращаемся къ однимъ и тѣмъ же берегамъ, но и владимъ за собой немомѣрно тяжелую цѣпь историческихъ паслоеній. Философія хочетъ быть строгой наукой. Но ни въ одной изъ точныхъ наукъ не придетъ въ голову считаться съ давно отжившими возрѣвшами и накопившимъ такъ добросовѣстно историческія «богатства-заблужденія». И что всего печальнѣе: вслѣдъ за горами и горами пропадаемаго нами

въ неустанномъ трудѣ философскаго песку незамѣтно уплываютъ крупинцы единичныхъ озареній-истинъ и тонуть въ морѣ «общаго», доступнаго всеѣмъ, знанія. Чтобы проникнуть въ отдаленныя закоулки, куда обычная научная обработка философскихъ системъ выбрасываетъ весь «мусоръ и хламъ» кричащихъ противорѣчій, все единичное, случайное, необычайное, забравшееся въ систему въ минуту ли молодого вдохновенія, какъ это было у Платона, въ минуту ли душевнаго подъема и творческаго озаренія, какъ это бывало у Паскаля, Шопенгауэра, Ницше, — чтобы вылить эти незамѣтныя сокровища единичнаго душевнаго опыта, нужно не только имѣть свой особенный глазъ, но и чуткое ухо. Не даромъ Платонъ сказалъ: «философія — величайшая музыка, и я ею занимаюсь». (Федонъ, 61.) И великій философъ въ минуты творческаго озаренія пѣлъ такъ, какъ поютъ лишь вѣщія птицы Аполлона, когда ихъ обвѣваетъ дыханіе смерти.

Въ научную обработку философскихъ системъ попадаетъ только густая сѣть назойливо звучащихъ, легко запоминаемыхъ толпой лейтмотивовъ, а свободно льющаяся вдохновенная мелодія, тайна для непосвященныхъ (ср. Федонъ, 64), съ трудомъ пробивается какъ молодая травка изъ подъ могильной плиты системы.

Задача Шестова прислушаться къ этой по временамъ очень жуткой, но всегда необычайно яркой музыкѣ и вывить то, мимо чего научная философія обыкновенно проходила почти безъ всякаго вниманія. Мисеологія, апамнезисъ у него бурно врываются въ платоновскую академію, куда былъ запрещенъ входъ всеѣмъ, не искушеннымъ въ геометрію; самыя идеи платоновскія берутся не въ періодѣ окончательной кристаллизаціи въ «очевидныя» для всеѣхъ положенія, а въ моментъ творческаго вдохновенія, когда реальныя вещи были для Платона только блѣдными тѣнями настоящихъ реальностей, тѣхъ реальностей, которыя наша душа видѣла въ прошлой жизни, увидитъ *своимъ* глазомъ въ будущей (198—200). Надо вѣстѣ ст. псаломѣвцемъ Платиномъ на крыльяхъ экстаза перенестись изъ «умопостигаемаго» міра съ его порядкомъ, водвореннымъ грубой силой доказательствъ, въ другой міръ, гдѣ не топятъ живого Сократа въ понятіи «человѣка вообще». Надо противопоставить философію сердца мыслящаго тростника власти ключей — идей, скучнымъ и постылымъ «вѣчнымъ» истинамъ земли; свободу видѣнія и слышанія — принужденію проповѣди; и страстно, изо всеѣхъ силъ защищать единичное, «случайное», таинственное, выстрадавшее, индивидуально значительное противъ преодолѣнія и обезличенія въ понятіи, противъ науки о несуществующемъ «общемъ».

И въ этомъ рѣзкое отличіе Шестова отъ Джемса, который даже въ «Многообразіи религіознаго опыта» старается выявить вѣчто общее индивидуально окрашеннымъ религіознымъ переживаніямъ и вывести это общее за скобки, какъ единственно дѣйное въ «безуміи» вѣры, изъ чего философія можетъ сдѣлать практическое употребленіе. И у Джемса, въ концѣ концовъ, какъ будто желаніе метафизическаго прорыва средствами единичнаго опыта, даже опыта ненормальныхъ, поуравновѣшенныхъ людей, который до него обычно выбрасывался академической философіей за бортъ, и въ то же время тайная боязнь хаоса, слишкомъ близкаго подхода къ краю пропасти, боязнь рѣзкихъ, слишкомъ рѣзкихъ диссонансовъ, вносимыхъ иными религіозными переживаніями мятущихся душъ въ созданный имъ стройный конфертъ своеобразнаго политезма. Не оттого ли у Джемса нѣтъ глазъ для страшныхъ мукъ религіозныхъ переживаній Ницше, нѣтъ слуха для того жуткаго реквиема, который поетъ «лучшій изъ юмористовъ» de profundis своей Matrazengruft?

Философъ современности, не порвавшій окончательно съ привычками научнаго мышленія, до того боится хаоса, что готовъ даже на установленіе двухъ порядковъ (l'ordre inerte; l'ordre vital, voulu Берсона), только бы не отдаться цѣлкомъ свободѣ неустроенности, «нелѣпости» откровенія, творческому «да будетъ». Не говоря уже о рационалистахъ чистой воды, для которыхъ логическая истина, тождественно единая, воспринимаютъ ли ее въ сужденіяхъ люди или чудовища, ангелы или боги, существуетъ раньше вселенной, раньше людей и боговъ. (Ср. Husserl. Log. Unt., 3-te Aufl., I, S. 117). Мыслителей послѣдняго рода никакія memento mori никакія грозныя событія не заставляютъ пересмотрѣть ихъ тѣлныя «сущности»: они не могутъ вырваться изъ душнаго, упорядоченнаго нашимъ разумомъ космоса, сбросить съ себя ярмо идей и свободно уйти въ темную безпроглядную ночь на край пропастей, гдѣ каждый шагъ грозитъ погибелью; не могутъ уйти отъ сна жизни, въ которой мы, нечувствительные къ самымъ важнымъ вещамъ, блуждаемъ съ непоколебимой увѣренностью въ самоочевидность и общеобязательность выработанныхъ научнымъ методомъ философскихъ истинъ. Но кто хочетъ свободно видѣть и слышать въ философіи, тотъ долженъ прежде всего вырвать грѣшный логическій «глазь», создающій иллюзію «вѣчныхъ» общихъ поватій и замѣнить его метафизическимъ чутьемъ, особеннымъ чувствомъ, еще не нашедшимъ себѣ мѣста въ современной психологіи. (276.) Тогда и тогда онъ пойдетъ дорогу во тьмѣ тысячи и одной ночи къ одинокимъ вершинамъ-великанамъ, къ мгновеннымъ озареніямъ мятущихся душъ, къ единичнымъ истинамъ, позолоченымъ первыми лучами восходящаго солнца.

Философія — самое значительное (Плотинъ) — не хочет и не можетъ быть наукой: «достаточно «понять», т. е. сорвать и вкусить плодъ съ дерева познанія добра и зла, чтобы лишиться доступа къ остальнымъ чудеснымъ деревьямъ, въ такомъ роскошномъ изобиліи наполнявшимъ сады Эдема». (108.) «Вѣдь разумъ и есть тотъ огненный мечъ, которымъ отгоняетъ поставленный Богомъ ангель людей отъ вратъ Эдема». (278.) «Общее» и «необходимое» подрѣзываетъ корни дереву жизни. Нужно взрывчатымъ матеріаломъ единичнаго опыта взорвать ту общую стѣну, которой мы себя добровольно окружили, чтобы выйти на просторъ къ истокамъ всего, чтобы вновь найти потеряннаго Бога.

Г. Ловцкій

Л. Карсавинъ. Діалоги. Обелискъ. Берлинъ, 1923 г.

Небольшая книга въ 104 странички. Діалоговъ только два. Первый «Объ основныхъ свойствахъ русскаго народа и царственномъ единствѣ добродѣтелей», второй «О прогрессѣ и социализмѣ». Оба діалога крѣпко другъ съ другомъ связаны. Оба защищаютъ одно и то же міросозерпаніе: — религиозное по своей основѣ, глубоко положительное по своимъ этическимъ тенденціямъ (Л. П. Карсавинъ отрицаетъ идею радикальнаго зла) и широко синтетическое по своимъ метафизическимъ задачамъ; міросозерпаніе, въ которомъ ничто пичего не вымѣщаетъ, а все со всемъ совмѣщается въ абсолютной реальности положительнаго всеединства.

При всей философской существенности этой основной мысли Л. П. Карсавина, цѣнность его діалоговъ не въ ней, а въ громадномъ количествѣ вращающихся вокругъ нея конкретныхъ соображеній.

Атмосфера, въ которой главная мысль Л. П. Карсавина связывается имъ со всеми его соображеніями, — атмосфера очень живой бесѣды, блестящей юморомъ, остротой, парадоксами — большою тонкостью психологическихъ наблюденій и анализомъ.

Анализъ «цѣломудрія» русскаго языка и русскаго чувства «стыда», — раскрытіе русскаго цинизма, какъ «болѣзни» русскаго стыда, додукція русскаго безстыдства изъ стремленія Россіи къ Абсолютному, связь стилистики Ключевского съ психологіей камаринскаго музика — во всемъ этомъ настоящій стиль изустнаго слова, быстро взлетающаго на самыя крутыя теоретическія вершины, но такъ же быстро и скатывающагося къ проблематическимъ низинкамъ житейскаго подмигиванія.